

Секция «Социология»

Конструирование новой геронтологической реальности в социальных установках различных поколений: опыт психосемантического анализа

Омельченко Дарья Алексеевна

Кандидат наук

Алтайский государственный университет, Факультет социологии, Барнаул, Россия

E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

Современные общества смело можно назвать «стареющими обществами». Научно-технический прогресс, и прежде всего, развитие медицины на основе высоких технологий, повышение уровня и качества жизни привели к увеличению ее продолжительности и увеличению доли пожилых и старых людей в демографической структуре населения планеты. Резкое постарение населения повлекло за собой комплекс последствий - социально-экономических, психологических, медицинских, правовых.

Ситуация в России имеет свои особенности: значительная гендерная асимметрия, старение населения не за счет увеличения продолжительности жизни, а за счет снижения рождаемости на фоне высокой смертности (так называемое старение «снизу»), ранняя десоциализация пожилых, отсутствие системы социальных институтов, способствующих включенности пожилых в социально-экономические процессы [1-4].

В сложившихся обстоятельствах возникает новый тип социальной реальности, который, ввиду актуальных демографических тенденций, можно назвать геронтологическим. Индивидам и социальным группам, проживающим в эпоху «стареющего общества» приходится адаптироваться к этой новой реальности, переосмысливать социальные отношения между поколениями, пересматривать структуру социальных ролей и заново интерпретировать понятия старости, старения, конца жизни. На институциональном уровне возникает императив трансформации социальной структуры, создания новых и существенной переработки старых социальных институтов, функционально связанных с пожилыми людьми.

Заявленная тематика конструирования геронтологической реальности, в том числе посредством социальных установок по отношению к старшему поколению и старости потребовала применения специальных методов, способных вскрыть имплицитные категориальные структуры сознания, обуславливающие восприятие изучаемого феномена различными группами населения.

Таким методом исследования и одновременно формой модельного представления стало построение семантических пространств на базе 28 характеристик-дескрипторов образа старости и пожилого человека (когнитивных, оценочных, поведенческих), оцениваемых по семибалльной шкале (от 1 до 7). В качестве объектов оценивания, выражающих обобщения и стереотипы, были взяты три понятия (ролевые позиции в терминах Дж. Келли), представленных следующими смысловыми блоками: «Я в старости», «близкий пожилой человек», «пожилые люди в целом»¹.

В качестве респондентов выступали женщины и мужчины в возрасте от 15 до 75 лет, жители Алтайского края. Общий объем выборки составил 60 человек, разделенных на три возрастные подгруппы: 15-29 лет, 30-49 лет, 50-75 лет.

Наиболее простой формой обработки исходных матриц данных стало сопоставление дескрипторов и ролевых позиций путем вычисления коэффициентов корреляций

отдельно по каждой возрастной подгруппе. Далее матрицы подвергались процедуре факторного анализа для построения групповых семантических пространств.

В результате корреляционного анализа были выделены семантически связанные группы переменных, дифференцируемых в зависимости от возраста опрошенных. Для респондентов группы 15-29 лет ключевыми категориями, обуславливающими наличие взаимосвязей, стали: жизненный опыт, реалистичность и рассудительность; социальная активность, выражающиеся в сочувствии и сопереживании, желании принести пользу; самопожертвование (пожилые окружают других заботой, забывая про себя). В средней возрастной группе появляются дополнительные констелляции переменных, связанных с интеллектуальным развитием и здоровьем, а для респондентов старшей группы характерно стремление как можно дольше сохранять физическую и психическую активность, приносить пользу, а главное – не становится обузой для других.

При сопоставлении ролевых позиций выявилось, что молодые люди не имеют четких представлений о собственной старости (все позиции сильно взаимосвязаны), ориентируясь на образ близкого пожилого человека, который практически отождествляется с позицией «пожилые люди в целом» ($r=0.763$). Для средней возрастной группы характерно более четкое разделение позиций «Я в старости», «близкий пожилой человек» и позиции «пожилые люди в целом». Для самой старшей группы этот разрыв становится практически полярным: я (пожилой) и мой близкий пожилой человек составляют единство ($r=0.681$), в то время как между другими парами позиций значимых корреляций не наблюдается. Таким образом, если в молодости старость представляется чем-то далеким и неопределенным, то с возрастом происходит осознание собственного старения и идентификация с конкретным образом.

В процессе факторного анализа на каждом массиве данных было выделено два значимых фактора, полностью объясняющих всю дисперсию. Семантическое пространство, построенное в результате совместной проекции дескрипторов и ролевых позиций, позволило выделить две оси – латентных переменных, обуславливающих их восприятие. Примечательно, что по смыслу эти два фактора оказались идентичными во всех возрастных группах, менялась их полярность.

Первый фактор представлен дихотомией «абстракция – персонификация», то есть по мере продвижения от отрицательного к положительному полюсу происходит «обращение» абстрактного пожилого человека конкретными характеристиками и действиями. При этом, если молодые люди склонны представлять образ «Я в старости» в положительных тонах, а «пожилые люди в целом» - отрицательных, то уже в среднем возрасте происходит переоценка приоритетов и более реальное восприятие процесса собственного старения - позиция «Я в старости» получает, в свете окружающих ее дескрипторов, такие характеристики, как познающая, старающаяся быть полезной, с надеждой на отсутствие изменений в памяти и речи, в старшей группе добавляются характеристики «чувствительны, воспринимают все острее» и «стремятся жить отдельно, опасаются стать обузой».

Второй фактор предполагает оппозицию «адаптированность – дезадаптированность», наиболее ярко проявляющуюся в повседневных бытовых ситуациях и в процессе межличностного взаимодействия пожилых людей с окружающими.

Таким образом, схожесть факторных структур у различных поколений позволяет предположить существование единых семантических и символических механизмов

конструирования геронтологической реальности, что требует дальнейшего изучения с помощью других методов.

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по государственному контракту 16.740.11.0109 «Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии современных россиян: институциональный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа».

Литература

1. Крутько В.Н., Смирнова Т.М. Анализ тенденций смертности и продолжительности жизни населения России в конце XX века. М.: УРСС, 2002.
2. Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. 3. С.18-29.
3. Максимова С.Г. Социально-ценностные аспекты восприятия старости // Известия АГУ. 2001. 2. С. 22-26.
4. Население России 2007 : Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. — 296 с.